

Глава 2

Мужчина, возлежавший на нефритовом ложе, бессильно раскинул волосы — тяжелые, иссиня-черные, точно пролитая тушь, они змеились по камню и стекали на пол, создавая странное, почти порочное ощущение изнеможения.

Взмахом руки он развеял водяное зеркало. В пустой пещере, отражаясь от сводов, гулким эхом раздалось его единственное слово:

— Проклятье!

Нелепость этого переселения душ в первую очередь вызвала желание грязно выругаться.

Шел не первый день, а целых три! Трое суток он не смыкал глаз, не притрагивался к еде и воде, но при этом чувствовал себя до странности бодрым — энергия внутри бурлила, пугая своим избытком.

Хуже того, это тело обладало сверхъестественной чувствительностью. Линь И, еще недавно бывший рядовым строителем социализма, внезапно обнаружил, что ощущает дыхание каждой травинки за пределами пещеры. Он знал, что в соседнем пруду лениво шевелят плавниками два золотых карпа, и это знание сводило его с ума.

Поначалу он пытался вырвать себя из этого кошмара, отвесив себе оплеуху. Но стоило ему приложить чуть больше силы, как он едва не обрушил своды собственного убежища.

— Тяньвай-чжэньжэнь, только что здесь ощущались странные колебания. Вы...

Линь И замер. Перед ним, словно из воздуха, соткался юноша в белоснежных одеждах заклинателя. В его голове точно ударил тяжелый колокол.

— Как ты меня назвал? Повтори-ка.

Молодой адепт взглянул на него с тревогой, замялся, но в итоге почтительно склонился, сложив ладони в приветствии:

— Бессмертная гора Бутянь, Тяньвай-чжэньжэнь!

У Линь И потемнело в глазах. Жаль, что нынешнее тело позволяло лишиться чувств только при смерти, а сейчас он был пугающе здоров.

Двойной удар: трансмиграция, да еще и прямоком в собственную книгу. Самое избитое клише

из всех возможных, «сю» среди «сю», классика жанра в обертке антиклерше.

Кто такой Тяньвай-чжэньжэнь? В черновиках Линь И это было величайшее пушечное мясо. Своеобразный «золотой палец» для главного героя, чья участь — погибнуть под ударами пяти молний небесной кары, обратившись в пепел.

«Ну почему нельзя было перенести меня до того, как я дописал финал?» — в отчаянии подумал он.

Назначить персонажу смерть от небесного разряда — это одно, но совсем другое — оказаться на его месте. Линь И готов был на всё, лишь бы вернуться в реальность и переписать судьбу этого несчастного. Вот она, расплата за авторский садизм: вчера ты мучил героя ради рейтингов, а сегодня сам идешь на эшафот.

А сюжет был таков: Линь И написал в сети роман под названием «Одинокий меч». История о классическом неудачнике, бросающем вызов небесам.

Главный герой, Сюаньюань Кунь, — сирота, рожденный под проклятой звездой. В восемь лет, не в силах терпеть голод и холод, он решает утопиться в озере, но его спасает Тяньвай-чжэньжэнь. Учитель очищает его кости, промывает костный мозг, передает ему всевозможные артефакты и техники, ведя за руку к вершине мира.

Снаружи — типичная история о «пощечинах» врагам, внутри — горькая драма.

Невеста героя, мило краснея, изменяет ему за спиной. Девица, которую он считал другом, льстит лишь ради того, чтобы украсть секретные техники. Соратники сближаются с ним только ради влияния, втайне презирая его происхождение.

В конце концов, познав всю гниль человеческой природы, Сюаньюань Кунь отрекается от чувств и выбирает путь истинного одиночества. Одинокий меч требует бесстрастия: никакой любви, никакой дружбы, никакого родства.

И тогда автор легким движением руки превратил единственную опору героя — его наставника Линь И — в финального злодея. Тяньвай-чжэньжэнь, решив, что пришло время «уйти на покой», пытается забрать культивацию ученика, чтобы пережить бедствие, и в итоге гибнет под громом.

Все ступени были выстроены: Сюаньюань Кунь остался один на вершине мира.

Читатели рыдали в комментариях: «Сердце разрывается!»

Линь И тогда сухо ответил: «Истинный сильный должен быть одинок».

Теперь же он понял: это не игра, это ловушка. Убьешь главного героя — погибнешь от небесной кары. Не убьешь — придется пойти по пути оригинала, попытаться отобрать его силы и всё равно сдохнуть либо от руки ученика, либо от молнии.

Линь И горько пожалел о том, что создавал этот мир без всякой логики, руководствуясь лишь минутными порывами. Оказалось, что самый большой баг его книги — это он сам.

В мире заклинателей тем временем разнеслась весть: великий Тяньвай-чжэньжэнь с горы Бутянь провел в уединении всего семь дней, но постиг новую ступень небесных истин. В день его выхода из затвора небо над горой надолго затянуло благовещими облаками — до истинного вознесения оставался лишь шаг.

Услышав это, Линь И лишь скривился:

«Чушь! Эти облака я наколдовал просто от скуки».

Учитывая характер своего персонажа, настоящий Тяньвай-чжэньжэнь никогда бы не опустился до подобного ребячества. Линь И не стал ничего объяснять. Он лишь одарил стоявшего рядом ученика блеклой улыбкой и произнес:

— Вот как? Раз уж небеса так милостивы к этой скромной обители, назовем ее Пещерой Благодатного Сияния.

Так в мире стало одним «святым местом» больше.

Бессмертная гора Бутянь, где обитал Тяньвай-чжэньжэнь, находилась на юго-востоке континента. Давая ей такое название, Линь И вкладывал в него самый примитивный смысл: «Один шаг — и ты в небесах».

Вершины гор пронзали облака, а густые леса вокруг были перепутаны так, что случайный путник никогда не нашел бы тропы. Даже опытные заклинатели, способные летать на мечах, пасовали перед запретом на использование техник, наложенным Линь И: стоило кому-то взлететь, как деревья под ним стремительно вытягивались, преграждая путь.

Линь И полагал, что это весьма надменная установка. Мол, если ты недостаточно силен, то не достоин даже порога Бутянь.

На горе располагались три дворца и три зала, построенные исключительно ради эстетики. Роскошные павильоны и жилые корпуса могли бы вместить сотни людей, но учеников здесь было раз-два и обчелся. Огромные ресурсы тратились впустую.

Бутянь изначально задумывалась как оплот сил Света в противостоянии Злу. Структура была сложной: единого правителя не существовало, но вся гора подчинялась иерархии трех дворцов

и трех залов. Они были едины перед врагом, но закрыты для чужаков.

Возвести такие хоромы по щелчку пальцев не составляло труда — в романе они служили лишь для пафоса. Но сейчас, глядя на великолепные резные крыши, утопающие в облаках, и не слыша ни единого живого голоса, Линь И ощутил, как за фасадом величия проступает неприкрытая пустота.

Привыкший к шуму современной жизни, он с трудом принимал концепцию «чистого совершенствования».

Впрочем, в использовании магии ему повезло. Он вспомнил, как описывал способности своего героя: «Стоит зародиться мысли — и всё сущее повинуется».

Он не был совсем уж беспомощным новичком. К тому же Тяньвай-чжэньжэнь был тысячелетним старцем на стадии Перехода через Бедствие — вершине могущества, доступной человеку.

В оригинале Линь И обладал всеми возможными «козырями», чтобы стать идеальным наставником для героя. Он был гением, обладателем Небесного духовного корня, но застрял на последнем этапе пути. Именно поэтому в его голове зародился план: взрастить ученика и забрать его корень.

Судьба персонажа всегда следует за волей автора. Изначально старец Линь И не был злым. Он стал монстром лишь в конце, когда автор решил принести его в жертву сюжету, заставив забыть о долге ради трагического финала.

Вспоминать об этом было невыносимо.

Если раньше Линь И казалось, что адептов на горе маловато, то добравшись до собственного дворца, он ощутил себя в вакууме. На восемьсот ли вокруг — ни души. Здесь можно было разгуливать голышом целый день, и тебя бы никто не заметил.

Это место называлось «Бессмертный дворец Линсяо». Одно имя выдавало непомерную гордыню владельца — не достигнув Дао, поселиться в «Высшем небе». Любого другого бы подняли на смех, но Линь И это имя было по плечу.

Поначалу «золотые пальцы» радовали его, но вскоре вид из окна, где за облаками не было видно земли, начал раздражать. Облака прекрасны, но если смотреть на них вечно, начинает подташнивать. Это как бесконечный полет в самолете: рано или поздно захочется сойти на твердую почву.

Все окрестные павильоны пустовали. Тяньвай-чжэньжэнь обожал одиночество, не терпел слуг и ненавидел, когда его беспокоят. Нелюдимый чудак — в современном мире ему бы точно

поставили диагноз.

Хотя в книге он описывался как высокомерный гордец, он всегда сохранял на лице печать невозмутимого спокойствия и святости, вызывая у людей одновременно трепет и необъяснимое желание довериться. Он был подобен чистейшему снегу на вершине горы — холодному, но на солнце дарящему тепло.

Несмотря на почтенный возраст, заклинатели его уровня выглядели безупречно. Длинные, до самой земли, иссиня-черные волосы он обычно подбирал заклинанием, чтобы они не мешали при ходьбе. Он был безупречно белокож, а взгляд его сиял точно холодные звезды. В его облике не было женственности — только чистая мужская харизма, подчеркнутая безупречной осанкой.

Линь И признавал: это лицо нельзя назвать просто красивым, оно было по-настоящему прекрасным. Но даже эта красота не отменяла того факта, что он был «тысячелетним одиноким псом».

Помимо его личного дворца, в центре Бутянь находился Главный Зал. Тут автор не стал мудрствовать лукаво и назвал его просто «Главным Залом».

Был еще дворец под названием «Обитель Гуанхань». Сейчас он пустовал, хотя располагался совсем рядом с покоем Линь И. Он предназначался для «недостижимого идеала» в сердцах читателей — девушки по имени Бай Цзыжоу.

За свою жизнь Линь И взял лишь двоих учеников. Бай Цзыжоу была старше Сюаньюань Куня на несколько столетий, так что герою пришлось бы звать ее «старшей сестрой». Но в мире бессмертных возраст — лишь цифра на бумаге, лица остаются юными вечно.

Сейчас Бай Цзыжоу странствовала в мире смертных и должна была вернуться лишь через сотню лет, когда первые любовные интересы героя уже успеют изрядно подпортить ему кровь.

События романа начинались со спасения мальчика. Линь И еще не встретил его и не знал, какой сейчас год. Но он точно знал, зачем ему это нужно.

Он сидел перед дворцом Линсяо, ветер трепал его белые одежды и черные пряди, превращая фигуру в неясный силуэт на фоне небес. В этом величественном, но пустом дворце ему отчаянно не хватало живой души. Пусть он теперь Тяньвай-чжэньжэнь, в душе он остался обычным человеком, не знающим пути Дао и не способным на абсолютное бесстрашие. Жить в этой ледяной чистоте было выше его сил.

Он создавал этот образ наставника с одной целью — помочь герою вырасти.

Линь И улыбнулся. За его спиной стоял боковой придел, на котором еще не было таблички с

названием.

«Весь этот мир начался с тебя, так почему бы мне не спасти тебя?»

В этот раз он проследит, чтобы ребенок рос в радости, а его путь к вершине не был устлан предательством.

«Зал Чанъань... в нем определенно должен кто-то жить».

***

Холодный зимний ветер, берег озера, подернутый тонким льдом.

Размытый силуэт ребенка, шатающегося от усталости. Дождь хлестал по нему, смывая грязь и обнажая юное лицо, в глазах которого застыла не детская злоба, а запредельное отчаяние.

Мальчик медленно входил в ледяную воду. Холод сковывал движения, заставлял дрожать, но он не останавливался.

«Почему ты всё еще не сдох, Сюаньюань Кунь?..» — прошептал ребенок самому себе.

Или это был лишь сон?

Линь И почувствовал, будто случайно заглянул в чужую бездну. Этот взгляд был ему слишком знаком — так смотрят те, кто потерял всякую надежду.

Никому не нужный, всеми покинутый. Без мыслей, без желаний, лишь с оборванной струной боли внутри.

Дальнейшие слова утонули в раскатах грома и шуме дождя, но Линь И кожей ощутил эту безысходность.

Тот, кто однажды выдумал эту историю, теперь вознамерился стать для него Богом.

<http://bllate.org/book/17554/1708279>